зрение внушает подробный расчет пути, представляемый офицером в доказательство того, что все им рассказанное в действительности не происходило. Эти вставки, посторонние для обоих сюжетов, плохо в них вписываются, растягивают повествование, отдаляя момент остроумной выдумки офицера и тем самым ослабляя эффект ее неожиданности. Для мотивировки запрета достаточно лишь упоминания о богатом любовном опыте барона; предъявление «пашпорта» (речь, видимо, идет о подорожной) со всеми предшествовавшими объяснениями о датах пути, а также демонстрация перстня снимают с баронессы подозрение до того, как произносится тот главный «аргумент», который в забавной новелле д'Увиля выступает ее кульминацией и заключительной фразой, а здесь становится маловыразительным «привеском» к предшествующим доказательствам, теряя свою исконную выразительность еще и потому, что на нем повествование, вопреки законам жанра, не обрывается, но переходит в добавленную компилятором концовку, чужеродную для данного сюжета. Упав на охоте с лошади, барон разбивается насмерть, оставя жену «всего своего имения законною наследницею», а она «не умедлила послать с письмом к тому полюбовнику, по приезде которого учинила другую свадьбу; он же, отъезжая куда и на долгое время, не запрещал ей обходиться ласково со всеми и говорить „что изволите", а не так что „нет, мой государь" или „нет, мой господин"» (Н II, 60–61). Было ли такое завершение всего случившегося придумано самим Новиковым или подсказано ему (кроме, разумеется, безусловно ему принадлежащей фразы о снятии запрета на беседы с мужчинами) каким-то литературным образцом, выяснится, если будет известен полный круг рукописных и печатных сочинений, использованных при компиляции сборника «Похождение Ивана гостиного сына, и другие повести и сказки». Оставляя по необходимости решение этого вопроса на будущее, сейчас, тем не менее, можно с большой определенностью утверждать, что, работая над рассказом «О бароне, жившем недалеко от Парижа, и его супруге», Новиков опирался не только на рукописную фацецию «О бароне» и новеллу д'Увиля (или какую-то ее обработку?), но обращался и к другому произведению или даже нескольким, откуда сделал несколько малоискусных вставок.

Подобными же компиляторскими приемами с похожими просчетами, создававшими всевозможные неувязки, был скомпонован с привлечением разных опорных текстов рассказ «О персидском шахе Али Бее и о любимце его, помрачившем добрые дела свои прелестьми одной женщины». Сюжет знаменит в мировой литературе шекспировской «мрачной» комедией «Мера за меру», а в русской — пушкинской поэмой «Анджело». В XVI–XVII веках он был известен в нескольких вариантах, будучи связываем с разными историческими лицами и вымышленными литературными персонажами,[35] в XVIII веке преимущественное распространение

[35] См.: *Budd F. E.* Material for a study of the sources of Shakespeare's «Measure for Measure» // Revue de littérature comparée. 1931. T. 11. № 4. P. 711–736; Narrative and dramatic sources of Shakespeare / Ed. by G. Bullough. London; New York, 1958. Vol. 2. P. 397–530; *Shakespeare W.* Measure for Measure / Ed. by J. W. Lever. London; Cambridge (Mass.), 1965. P. XXXV–XLIV, 151–200 (The Arden Edition of the Works of Shakespeare).